

Предоставим русским создавать свою бывшую Великобританию, а казакам надо думать о своей Казакции.

Обращаясь к вам, наши казачьи генералы, профессора и юристы, отстаивающие вольно-казачье движение и своим „авторитетом“ тормозящие вольноказачий марш. Не одним ли степно-полюнным воздухом я дышал с Вами, не ваш ли я воспитанник со школьной скамьи, не плоть от плоти, не кровь от крови ли я с вами, не боевой ли я ваш соратник и подчиненный в строю и в бою? Не под одним ли казачьим флагом и не под звуком ли родного гимна мы вместе шли умирать за родную степь, за Казачество?!

Где же вы теперь?! Вас мало в вольноказачьем строю. К нам, родные, в наш вольноказачий стан, за свою возрождающуюся Казакцию, а не за чужую Россию. Вы казачьи верхи, выбранные казачьим народом и умышленно свернувшие с намеченного нами пути, хоть на миг снизойдите с своего великосоветского „Олимпа“ и приложите свое русофильское ухо к казачьему чернозему, на котором заждется атаманское могущество. Внеземле гулу протеста и рокоту негодования против вас. Казачья кровь, пролитая в степях, вопиет к небу и требует возмездия за измену казачьим законам. Горе тем кто не хранит завета предков и изменяет своему народу. Горе и вам, — вас постигнет кара Божья, от вас отвернется казачий народ. Вы будете позорным пятном в истории Казакции. Вас проклянут потомки.

Братья казаки, все вольные и подневольные, сольемся все в единый национально-казачий стан и пойдем по одной Вольно-Казачьей дороге, к своей казачьей родине — Казакции!

Вольный казак Дон. В. (ст. Камышевской) П. Жидков.
27 октября 1931 г. Бухарест.

К соратникам.

М. Г. г-н Редактор, прошу напечатать в уважаемом вашем журнале мое письмо:

Здравствуйтесь, дорогие братцы донцы, казаки Все-великого Войска Донского, защитники родного, сегоднего Дона! Вот уже 12-ый год мы скитаемся изгнанниками, московскими комиссарами лишенные родины, а здесь наши вожди, несмотря на 200 летний печальный опыт несчастного владения над нами Москвы, все еще зовут нас туда, чтобы она нас окончательно доконала.

Мы, дорогие братцы, не должны забывать, что сотни лет мы служили оплотом этой неблагодарной России, а когда пришлось хоть однажды послужить себе, отстаивая свою свободу, мы не сумели и проиграло дело. Каждый из нас должен задуматься, отчего это так стало и почему? А вот почему, дорогие братцы:

Наши вожди, атаман и командующий армией, изменили нам и в политике и в войне, и повели нас не по той дороге, которая вела к казачьей свободе и самостоятельности, а туда, где русский народ зарыл свое старое, негодное, прошлое. А когда мы, под водительством наших вышеуказанных вождей, хотели было навязать ему старые порядки, то он и встал на нас.

Так вот, братцы, имейте в виду, что наши вожди однажды нас погубили, в результате чего мы скитаемся теперь здесь. Теперь нам пора за ум взяться и свой интерес соблюсти, иначе мы пропадем навсегда. Надо нам сплоченной, единой кучей идти за теми нашими казаками телом и душой, что к воле и свободе нас зовут. Давайте готовиться хоть раз правильно себе самим послужить. Оставим теперь в покое всяких Богаевских и Сидориних, раз уже проигравших наше счастье.

Казак Донского Войска, подхорунжий

Ив. Мих. Мамлин.

(Польша).

Мои мысли о ближайшем будущем Казачества.

Пользуясь страницами нашего чисто казачьего журнала „В. К.“, мне не раз приходилось затрагивать острые вопросы, так сказать „по текущему моменту“ нашей жизни. Должен признаться, что за некоторые свои

мысли получал я от некоторых станичников и упреки: бывали и случаи согласия или одобрения, но не было случая сомнения в искренности моих суждений, за что признателен и тем и другим.

Ныне затрагиваемый мною вопрос отношу также к большим вопросам нашего бытия, а потому предупреждаю, что я не претендую на непререкаемость моих суждений и выводов, допускаю, что в них я могу и ошибаться, но прошу верить в искренность моей тревоги за нашу судьбу и желание поделиться этой тревогой с станичниками и сверить, сопоставить мои мысли с ихними. Здесь я говорю только то, как я думаю, был бы очень рад услышать о том, как думают по этому вопросу и другие казаки.

Конечно, чтобы делать на эту тему какие либо предположения безапелляционного характера, нужно бы иметь сверхчеловеческую прозорливость или самоуверенный нахрап профессионального гадалщика вообще, а в нашей запутанной жизни и в современной переустроенной международной обстановке тем более. Но, постольку, поскольку человек остается бытийным существом, он не перестанет пытаться в меру сил и разума приоткрыть завесу таинственного завтра.

И как ни сколькоко путь предугадывания будущих узоров истории, есть, все таки, и в атом некое непеременимое условие, которое обеспечивает, некоторым образом, вероятность правильного предположения. Для этого нужно знать прошлое и иметь объективное, правдивое представление о настоящем. О прошлом не станем говорить, ибо оно нам предостаточно известно, а в настоящем нашем положении попробуем спокойно разобраться и, отсюда, сделать попытку предсказания.

В азбуке журналиста говорится: „пиши как ни можно короче, так, что если тебе пришлось бы послать написанное по телеграфу с уплатой по 500 франков за слово, то и то нечего было бы выбросить“. Памятуя это, мы не станем долго размазывать и начнемте с того, что смело и откровенно признаемся, что наше сегодняшнее положение самое что ни есть аховое. Тут, как говорится, „куда ни кинь — везде клин“. Действительно: выехали мы в эмиграцию организованно, с своим правительством и иными прочими вождями, своими полками, дивизиями; у нас еще был не остывший пыл от вчерашних боев; была вера в скорое их возобновление; была также вера и в своего выборного главу, истинное лицо которого не было еще нами достаточно распознано; думали, что он слуга Казачества, должный прежде всего думать и пещься о казачьих интересах, а потом уже могущий проявлять свои симпатии или антипатии к малайцам, а самое главное мы верили в скоропроходимость положения, в котором мы очутились и знали, что там, на родине, у нас есть целое народное ядро, в которое мы вскоре вольемся будущей закваской.

Но прошли года. Двенадцатая зима эмиграции „через прясло глядит“, а мы, без всего перечисленного выше, в рассеянии суть. Многие и многие из нас вышли уже из боевого возраста, рассеялись мы не хуже вудеев, увидели и познали ошибку в выборе наших вождей, в руки которых с такой верой и надеждой вручали свою судьбу и все казачье добро. Очувтившись здесь, в эмиграции, вне досягаемости нашего народного суда, наши главы открыли забрало и показали свое истинное лицо, отвращенное от нас туда, где их духовный „брат“ добывает и кромсает наше народное ядро. Таково наше сегодняшнее положение. Был бы рад, если кто доказал бы мне, что это не так, что положение не так мрачно, как мне кажется.

Исходя из такого определения нашего настоящего положения я делаю предположение на возможное будущее. И как это не горько и больно, но должен признаться, что Казачество, в данном своем положении, уже вступило в полосу неминуемой гибели, если оно не проявит крайнего, всеобщего национального напряжения. Если настоящее положение продолжится еще столько времени, то там, на родине, у нас не будет уже казачьего народного тела, а здесь, также, находясь в рассеянии, без твердого политического курса, без радикальной постановки национального вопроса, которая была бы известна всем международным фак-

торам во вне, мы обречены на тихое исчезновение, сперва духовно, а потом просто и физически. Точно также был бы рад, если кто нарисовал бы мне возможности иных светлых картин, исходя из моего определения нашего настоящего положения.

Но легко рисовать мрачные картины и на основании их каркать всякие ужасы. Меня могут спросить станичники, какой же я вижу выход из положения. И на это я вот что отвечаю:

Часть казачьей общечественности, или группа общественных деятелей, скажем, увидела грядущую опасность для казачьего национального бытия и нашла, что единственная возможность спасения Казачества заключается в том, чтобы поставить казачий вопрос на новые рельсы и на этих путях искать счастья. Это — вольные казаки, которые выдвинули вопрос казачьего самоопределения, преподнесли как Казачеству, так и внешнему миру идею казачьей самостоятельности. Все пути нами были в недавнем прошлом исхожены, все они, если не ухудшали нашего положения, то, во всяком случае, не улучшали. Нам остается попытаться взять, что называется, свою судьбу в свои руки и, худо ли, хорошо ли, ковать наше счастье нашими руками.

И вот, по моему искреннему убеждению, если ка-

зачья эмигрантская масса и ее интеллигенция дружно, с решимостью сделать так, или умереть, возьмутся за поддержку своего национального движения и достигнут в этой работе того, что это наше движение станет вопросом международного характера, как того почти достигли украинцы, то при первой подвернувшейся подходящей международной ситуации мы обеспечим свою свободу, а следовательно и свое национальное возрождение и экономическое процветание.

Суть моей мысли, значит, такова: наше сегодняшнее положение печальное, но если дружно станем на путь политики самостоятельности, то еще можем спасти, а иначе погибнем. Вот почему я — вольный казак и вот почему я думаю, что все преданные сыны Казачества без всяких „разговоров“ и не ожидая никаких либо „предложений“ должны стать на путь самостоятельности и идти к нам единым потоком, а не растекаться на маленькие едва журчащие ручейки. Особенно мне не понятны те казаки, которые якобы сочувствуют вольноказачьему течению, но с таинственным многозначительным видом стоят в стороне. Я калмык, но умышленно говорю все время в этой заметке, только о казачестве, ибо считал и считаю, что судьбы их есть и будут одинаковы. Шалвур Ниминол.

Казачья эмиграция.

Что такое „Войсковой праздник“ 18 (5) октября?

Для полной характеристики дня 18 (5) октября не лишним будет привести здесь несколько выдержек из русской газеты „Русский голос“ (в Белграде), где помещены отчеты о праздновании казаками (не всеми!) дня покойного цесаревича в Белграде и Новом Саду.

Из отчета о „праздновании дня войскового праздника Донского и Кубанского казачьих войск в г. Белграде 18 октября 1931 г.“ узнаем, что 1. вечная память убиенным и умершим начата с „Атамана всех казачьих войск цесаревича Алексея“. 2. В последовавшей затем „дружеской трапезе“ тосты пили за „русский Общевоинский союз“ и за „представительство Всероссийского Земского Союза“. Из песен пели: „Скажи-ка, дядя, ведь не даром...“

Еще более интересен отчет о „казачьем празднике“ в Новом Саду: „Новосадская Обще-казачья станица в этом году торжественно отпраздновала свой Войсковой праздник, в воскресенье, 18 октября, в день Тезоименитства Е. И. В. Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича, Августейшего Атамана всех казачьих войск... Праздник начался прохождением казаков через весь город в своих красочных формах под командой своего атамана есаула Протопопова. Разноцветные черкески, алые и желтые лампасы, голубые фуражки... Русские при виде своих доблестных казаков невольно, мысленно, переносились в Россию...“

В церкви, конечно, поминали „Августейшего Атамана... и казаков за Веру, Царя и Отечество живот свой положивших...“ На последовавшем потом „банжете“ пили прежде всего „за Русскую армию и Главнокомандующего ген. Миллера“ и исполняли Преображенский марш...

Из Белградских газет узнаем, что в тот же день, 18 (5) октября, праздновала там свой праздник и... русская полиция! Оказывается, что этот день в царской России был и годовым „праздником русской полиции“.

Не наводит ли это „совпадение“ вас, братья казаки, на некоторое размышление относительно недавнего прошлого?

Казаки, не держитесь за то, что было вам когда то навязано — прошлое не вернется, будем лучше думать о своем будущем!

Не празднуйте больше дня 18 (5) октября — это не казачий праздник.

На докладе Ш. Балинова в Париже.

1 ноября в Париже Донская парижская станица устроила публичное собрание, на котором Ш. Н. Балинов прочел доклад на тему „Чем стало Казачество“. Заполнившая зал аудитория с большим вниманием и интересом выслушала доклад, несмотря на то, что он продолжался три часа.

Ровно в 2¹/₂ часа председательствовавший на собрании атаман Донской станицы А. Н. Трофимов представляет слово Балинову, который сначала передает пламенный привет парижским вольным казакам от „Союза вольных казаков в Лионе“ и от группы вольных казаков в Южине, куда он тоже ездил читать свой доклад. Затем докладчик подробно разобрал следующие положения:

1. Донское казачество являло из себя самостоятельное, ни от кого независимое государство, и от этой своей государственной независимости казаки никогда не отказывались, за нее жертвенно всегда боролись, к ней и теперь стремятся;

2. что эта казачья государственная независимость физической силою Москвы была подавлена, что такое столкновение не случится и не могло, ибо Казачество и Москва были два различные духовно-политические миры — Свобода (Казачество) и Деспотия (Москва), для подтверждения какового своего утверждения докладчик цитировал исключительно русских авторов;

3. что вся московская политика в отношении Казачества, после его сильного подавления, носила все признаки колониальной политики и все московские мероприятия в отношении казаков преследовали одну определенную цель: подмены вольных казаков служилыми казаками, „царскими слугами“, для чего важнейшим средством считали искусственное задержание культурного развития казаков и воспитание в них „воинского духа“. В результате этой 200 лет продолжавшейся московской „затемнительной“ политики, искусственной подмены вольных казаков „казачками“ — казаки превратились в „полукрепостных рабов“, как говорит проф. Сватиков, а Казачество в „аракчеевские военные поселения“, как говорил когда то В. А. Харламов.

В заключение докладчик с большим душевным подъемом процитировал молодых казачьих поэтов и выразил свою глубокую веру в возрождение Казачества и Казачьей Независимости.

В последовавших затем прениях приняли участие многие казаки и даже не казаки. Некоторые из них за поздним временем не могли высказаться.